

Фёдор Ермошин

Москва

«АШАН»

Раннее утро.

Мороз схватил корни деревьев, они стали будто каменные. Ветер дует в лицо.

Я иду по обледенелой земле. Иду, как человек петровской эпохи, в энергосберегающих панталонах под штанами. Панталоны подарила мама. Они стягивают ноги. Зато не так холодно.

Я хочу спать.

Но я думаю о подарках на Новый год. Я должен купить Даше гимнастический коврик. И ещё насос, чтобы накачать гигантский мяч для упражнений. Мяч лежит сморщенный уже четвертый месяц. Без него Дарья не может делать зарядку, она беспокоится о фигуре. И ещё надо купить еду.

Прошлой зимой перед Новым годом в «Ашане» было столпотворение. Все тележки разобрали уже к полдевятому утра. Поэтому теперь мы с мамой решили отправиться в такую рань и пересечься прямо на точке.

Я вышел из почти пустого автобуса. Издали в темноте видны четыре огромные красные светящиеся буквы.

Я приближаюсь к зданию, похожему на реактор. Из дверей выбегает служитель и с разбегу вкатывает тележку в ряд таких же тележек. Я беру одну из них за ручку.

Двери «Ашана» раскрываются с мягким шумом.

Здесь тепло. Людей на удивление мало. Тру глаза, брожу среди сковородок и блюд. Договорились с мамой, что она будет ждать возле журналов. Но где ж они?

— Стой, где стоишь, — говорит мама по рации. — Я сейчас буду.

Но прости меня, мама.

Я неумелый возница алюминиевого мула! Задумавшись, незаметно выхожу на главную дорогу. Людей моментально становится много. Телег тоже. Я лавирую между ними. Растет всеобщий гам. Стараюсь плыть по течению. От обилия товаров рябит в глазах. Меня теряют.

Вдруг слышу звонкий, чуть слышный спасительный крик:

— Федя! Федя!

Мама догнала меня. Шопинг — её стихия.

Я веду тележку. А меня ведет мама.

Я решил достать список, составленный Дашей, — ингредиенты к столу. Ищу листок в куртке. Из кармана посыпались фантики, старые чеки и карточки метро. Разворачиваю список, разглаживаю рукой.

— Давай пошустрей, не тормози процесс! — подбадривает маменька.

Но вдруг и сама остановилась. Она заметила, что молодая пара разглядывает нечто, похожее на раскладушку. Оба в сомнениях.

— Не берите! — с уверенностью заявляет Ирина Михайловна. — Эта сушилка — дрянная. Такая у меня простояла месяц, потом ноги рухнули, и привет. Не берите!

Вот что значит педагог. Я советую никому не советовать. Мама говорит, что она сражается за права потребителей, и всё тут.

Из огромной кастрюли продавщица наваливает в лохань вареную картошку, пышущую жаром. Мама встала в очередь, чтобы взять курицу-гриль:

— Иди туда, где морепродукты, я тебя догоню.

Я отправляюсь в свободное плавание. Тележки, наполненные сырами, газетами, кабачками, снуют туда и сюда. Народ разворачивает свои колесницы, окружая прилавок.

— Так и на дорогах у нас, — изрекает дедушка, поучая маленького внука. Тот сидит в тележке и наблюдает за жизнью. Кажется, они похожи на персонажей одного рисунка Брейгеля-Старшего...

Но рассуждения оставь на потом.

Потому что навстречу идет победоносная тётка.

Лицо выражает правоту и мощь. Губы сжаты. А глаза смурны.

Моя каталка — пушинка по сравнению с её телегой-убийцей,

доверху груженной припасами.

Она надвигается быстро. Сворачивать не собирается. Столкновение неизбежно. Такую не разжалобишь. Но в последний момент мне удалось повернуть. Её тачанка пронеслась в считанных миллиметрах.

Правда, сзади тоже едут.

Слышен лязг. Торжественная протаранила тележку какого-то дядьки в пальто и кепке. Он бормочет:

— Трактор...

Цел и невредим, добираюсь до мишуры. Кладу на дно телеги разноцветный «дождик». А вот и гирлянды. Меня пленяет одна, в замысловатой упаковке. Семь метров, двести лампочек. На ходу, в толчее представил в уме образ прекрасной моргающей ёлки. И положил коробку в клеть.

За стеной толпы мелькнули мандарины в красных авоськах. Я протиснулся рукой между локтями ищущих людей. Вытянул сеточку, словно старик свой невод.

Там взвешивают невесомый укроп и пахнет мокрой петрушкой. Здесь громоздятся кочаны

капусты. Кажется, я опять заблудился. Хочется крикнуть:

– Ма-ма...

Но она уже тут. Мы вновь выступаем в тандеме.

От холодильников с замороженными продуктами веет прохладой. Мама по-хозяйски выхватывает список из рук:

– Салат из морских гадов! Бери!

Шарю неумными руками по упаковкам с шампиньонами и цветной капустой.

Мама находит нужную пачку не глядя — отработанным до автоматизма движением.

– Крабовые палочки!

Хватаю. Но мама авторитетно:

– Эти не очень. Мы в другом месте возьмём.

Усатый дядька, похожий на кита, держит в руках пару упаковок. Он прислушался:

– А где ещё есть?

– Прямо по курсу! — мама неустанно советует.

Многие люди оставляют пастись свои тележки в углу и идут в торговый ряд належке, обретая юркость и прыть. Матушка ушла на такую «вылазку» за мясом. А я сторожу добытый провиант и смотрю по сторонам.

Вдоль ряда со сладостями, чаями и кофе проходят мужчина и женщина.

У него плоское серое лицо, неглубокие глаза.

Она, с красиво зачесанными волосами и в белой шубе, говорит ему:

– Надо купить! — глядя на банки элитного кофе. Он повторяет:

– Купить... — язвительно и глухо.

Он перетаптывается с ноги на ногу. На нём лежит ответственность. Он зарабатывает деньги. А она их тратит. Он делит с ней радости и горести, будни и праздники. Но в этом ведь есть и хорошие стороны. Возможно, он думает об этом.

Держись, мужик!

А я заодно взял для Даши пачку «Рафаэлло».

Вернувшись, замечаю какую-то даму, склонённую над моей тележкой — она изучает её содержимое строго и дотошно. Чуть присняла очки с переносицы и пристально глядит на мою потребительскую корзину. Вначале показалось, что это санэпиднадзор или какая-нибудь инспекция. Но нет, смотрит просто так, из любопытства. Я не буду мешать.

А впрочем, мамина телега, на всю семью — она попредставительнее будет! Вот на что поглядите! Оборачиваюсь — но тётки уже и след простыл.

Мама вернулась. Тележки тяжелеют. Осталось главное: спорттовары.

Блуждаем меж тренажёров. На одной из полок увидел «коврик для йоги». Сделано в Пакистане. И нарисована йогиня, которая закидывает ноги вверх в неимоверной «березке». Берём.

В моей тележке погромыхивает автомобильный насос, чтобы накачать Дашин гимнастический шар. Укрою насос пакистанским ковром. Завершу эту икебану пачкой «Рафаэлло». Дарья обрадуется подаркам.

Подходим к кассам. Слышно, как все пятьдесят кассовых аппаратов пищат на одной ноте. Получается музыка. Что-то вроде «ой, ле-ли-ля». Я сравнил бы это с соловьиным царством. Настраивает на веселый лад. Хочется пуститься в пляс.

Но мама, боюсь, не заценит.

По резиновой дорожке медленно едут товары. Блоки шампанского, словно артиллерия, готовая выстрелить залпом. Буженина. Упаковки лимонов, бананов и груш.

А вот наши поехали...

Пробили товары на кассе. Складываем всё в большие мешки.

Выбегаем на заснеженную улицу. Но автобус уже уезжает. Догонять его с нашей ношей — нереально.

Ждём следующего.

Падает снег.

Маму что-то гнетёт. Мы вышли из «Ашана», вернулась обыденность:

– ...Шесть человек в доме. А я хочу убратся. Слева папины бумаги, справа твои бумаги. Мне ёлку некуда поставить.

– Мамуль. Много народу — это же разухабисто, весело!

– Да уж, очень весело.

Рукой, на секунду вынутой из перчатки, открываю пакет кофейного коктейля. Дышу паром:

– Ты устала, мам.

Сколько у тебя часов в неделю?

Речь про учеников.

– Пятьдесят два. Да щас меньше, под каникулы, — безразлично говорит она. — Сплошное динамо.

Маршрутки не видать. Морозно. Мама встревожилась:

– Тебе не холодно? У тебя там пододело что-нибудь? Ты что, с голыми ногами?

– Конечно, — я сохраняю интригу, потом говорю: — Да пододел я, пододел... эти... энергоёмкие штаны.

Наконец подошел автобус. Влача пакеты, залезаем внутрь. Выставили мешки шеренгой.

Едем. Мама пеняет:

– Вот, теперь ты понял, как я одна таскаю? А папа твой: «Ирок, я наработался, съездий уж без меня!...» А я не наработалась?.. — мама сменяет тему. — Ой, Федьк, какой ты худой. На тебя смотреть страшно!

Я сделал измороженное лицо, оттянув веки.

– Примерно так, — откликается мама. Она смотрит в окно. Там движутся дома и деревья.

— Ходишь, костями гремишь. Вы у себя, небось, ничего не едите.

Она беспокоится о питании молодой семьи, живущей на улице Говорова.

— Новый Год будет — поедим! — ржу я.

Свернули на Можайку. Скоро родные места. Звонит папа:

— На каком вы этапе?

— «Три кита» уж проехали, — говорю.

Мама командует в трубку:

— Выходите помогать!

Проехали Лохино... Проехали «Лазурный»... Вот и наша остановка.

— Ну, и где они? — мама смотрит в окно, ищет глазами помощников. — Прекрасно, — произносит она уже со сталью в голосе.

Подхватываю, кучно ставлю увесистые мешки на снег.

— Вам бы ещё двух мальчиков, — советует незнакомая женщина. Она ждет автолайн. Вежливо и интеллигентно смеётся. — Это сын ваш?

— Сын.

Я на корточках прячу в мешок длинный французский батон. Не удержался, отгрыз кусок. Мама увидела папу и Саню и копит энергию для взрыва.

— Ну, дела! — обрадовалась весёлая тетенька. — А вот и мальчики!

Мама хотела разораться на мальчиков, но сдержалась. Тётя смягла возникшие противоречия.

— С наступающим вас! — сказал я ей от всей души.

...Идем гуськом вдоль длинного забора, скрипя снегом. Папа, Саня, мама, я. Разделили мешки.

— Гуд бай! — говорю мамке. — Спасибо тебе. Я бы один заплутал в этом «Ашане», как нефиг делать.

— Не за что, сынок, ну что ты!

С пакетами особо не обнимешься.

Пришел домой. Грею руки. Бросил на кресло поклажу.

Отложил в отдельный бездонный мешок коробку «Рафаэлло», чтобы спрятать от Даши. Теперь ждать, когда куранты пробьют двенадцать и зазвучит гимн.

Тихо. Приоткрываю дверь в комнату. Звеню ремнём, как сбруей. Снимаю штаны. Остаюсь в теплосберегающих панталонах.

Ваня спит на кровати, запелёнатый, на бочку. Дарья читает журнал.

— Привет, — шепчу. — Я тебе курицу-гриль принес. Тёплая. Иди поешь.

Примостился с краю кровати рядом с дремлющим Ваньком. Моя миссия выполнена. Я принёс съестное к празднику.

Дарья вернулась. Чуть слышно спрашивает:

— А почему «Рафаэлло» в отдельном пакете?

— Это не «Рафаэлло»... — я прячу голову в песок, как страус.

Дарья увидела сюрприз.

— Это что, для кого-то другого? — допытывается она.

— Нет. Это я хотел тебе. А ты... подсмотрела...

— Так я и так тебе его в списке написала.

— А я хотел сделать, как будто я забыл, что это надо было. А когда бы ты подумала, что я забыл, тут бы я и подарил. На Новый год.

— Да я бы пошла и сама купила, — Даша раскладывает в морозилку продукты.

— Ну и хорошо, — я иду за ней на кухню. — А я бы тебе ещё одну коробку! И была бы двойная радость!

— И была бы двойная талия, а не радость...

Даша шуршит мешками. Я переключился на кресло.

Я люблю возвращаться. Всем есть подарочки.

Только маме забыл купить.

Нужно придумать что-нибудь эдакое. Пока не решил что. Надо с Саней и Маруськой проконсультироваться.

Отличный какой-нибудь дар преподнесём. Открытку, например...

29 декабря 2007 — 3 января 2008

Владимир Новиков